

История русской культуры в англо-американском россиеведении XIX–XX вв.

В статье рассматриваются этапы формирования и особенности историографического развития британского научного россиеведения – с первых обобщающих работ английских историков по истории России до британской советологии XX века.

Ключевые слова: история России, историография, российская цивилизация, британское россиеведение, советология, история исторической науки.

Образ «другого» в истории, еще в середине XX в. утвердившийся в качестве одной из основных исследовательских проблем в западноевропейской историографии¹, в последние десятилетия привлекает к себе все более пристальное внимание отечественных исследователей². Предметом изучения при этом становятся архаическое сознание³ и коллективные представления⁴, типы интеллектуальных образов и их взаимодействие⁵, варианты и схемы адаптации к восприятию «иного» в истории и современности⁶.

И все же до сих пор недостаточно проясненным остается вопрос о специфике историографических образов, формирующихся в сфере научного знания. Если верно, что «диалогические рубежи пересекают все поле живого человеческого мышления»⁷, историографическое пространство оказывается наиболее «пересеченным» диалогическими взаимосвязями и взаимовлияниями (при том, что даже «между глубоко монологическими... произведениями всегда наличны диалогические отношения»⁸, пусть даже непроявленные, молчаливые), т. е. в конечном счете историографию можно воспри-

нимать как систему диалога, в особенности продуктивного в случае зарубежного россиеведения, изначально нацеленного на диалог со своей научной «метрополией» – русской исторической наукой.

Британской научной россике⁹ и советологии, с самой ранней поры своей истории претендовавшим, по признанию английского историка У. Морфилла, на «активное формирование английских представлений о России посредством создания привлекательных и правдивых образов ее прошлого»¹⁰, в период формирования британского россиеведения приходилось соперничать с монополией ежедневных газет и аналитических журналов. Разумеется, основной задачей периодики было отражение политической конъюнктуры. Периодические издания никогда и не претендовали на выполнение специфически историографических функций; со своей стороны, историки-россиеведы признавали, что «чем менее похожи будут наши комментарии на беглые и поверхностные исторические обзоры в газетах, тем с большим успехом будет развиваться наша деятельность»¹¹. Ситуацию, однако, невозможно признать очевидной, ибо именно исторические обзоры, предпосылаемые журналистами (как правило, собственными корреспондентами изданий в Санкт-Петербурге) статьям по злободневным вопросам российской внутренней и внешней политики, оказывались часто наиболее мощным фактором формирования массовых представлений о русской истории. Заметим также, что первые профессиональные исследователи истории России У. Рольстон, Д.М. Уоллес, У. Морфилл много и плодотворно работали в жанре газетных и журнальных обзоров и даже, как замечает У. Морфилл, «с трудом могли отказаться от привычки смотреть на многое глазами журналиста, глазами газетчика и впоследствии»¹², т. е. в «академический» период их научных занятий.

Вышеназванные исторические обзоры стали появляться в периодических изданиях примерно в 20–30-е гг. XIX в. Тогда же начинает определяться и своеобразная тематическая специализация изданий. Так, “Times” уделяет особое внимание выяснению подробностей внутридинастических генеалогических связей Дома Романовых и одним из выводов становится признание крайней запутанности монаршей генеалогии в России и того обстоятельства, что «по сути дела, Россия переживает после Петра постоянный династический кризис, периодами более острый, как в середине прошлого столетия, а временами уходящий вглубь», но главный вывод, который делает газета – «российская династия – это слабая, подорванная и обреченная династия, лишь относительно достойная быть включенной в славный список европейских династий»¹³.

“Fortnightly Review” видит своей целью «уяснение общего положения вещей в России, как оно сложилось со времен самой древней русской истории»¹⁴. Для достижения такой цели газета постоянно публикует одновременно с текущей информацией еще и тематические статьи, которые можно было бы назвать этнографическими. К. Ховард в 1880–1890-е гг. регулярно печатает многочисленные эссе о русских крестьянах. Все материалы, опубликованные по этому вопросу в “Fortnightly Review”, станут затем основой для большой книги К. Ховарда «Русский крестьянин», вышедшей в свет в 1907 г. Среди других материалов газеты – эссе с характерными названиями «Представляет ли русский купец угрозу Западу?», «Российские бюрократы: кто они?», «Сибирь в истории России», «Дальний Восток в русской политике вчера и сегодня» и т. п. С течением времени “Fortnightly Review” более охотно предоставляет возможность высказываться по российской проблематике историкам¹⁵, в ряде случаев вполне иронически называя их статьи «просвещенным исследованием», «статьей, отвечающей самым строгим требованиям объективности и истины» и т. п.¹⁶

В каком-то смысле признанным лидером в 40–70-е гг. становится “Daily Telegraph”. На страницах этой газеты, несмотря на небольшой объем, материалы, содержащие экскурсы в русскую историю, появляются почти еженедельно. Есть в газете и постоянный автор подобных материалов – петербургский корреспондент Ч. Сароли¹⁷. В сентябре–декабре 1869 г. Ч. Сароли выступает с серией из двенадцати статей, объединенных темой «Русский национальный характер» (в 1871 и 1873 гг. Ч. Сароли напечатает еще две подобные серии – «Принципы современной политики России»¹⁸ и «Россия и Запад»¹⁹).

Суть позиции Ч. Сароли сводится к набору достаточно стереотипных для западноевропейских авторов того времени характеристик.

Во-первых, он считал, что Россия никогда не преодолеет последствий «монгольской катастрофы», очень серьезно подорвавшей творческий потенциал нации. После монгольского нашествия, «сколь бы блистательным в ряде отношений... ни представлялся самый ранний период русской истории»²⁰, Россия утратила способность к оригинальному политическому, социальному и экономическому развитию и оказалась обреченной на заимствование соответствующих западных образцов, причем заимствование «несерьезное, поверхностное, дикое», не затрагивающее тех глубинных пластов народного сознания, которые Ч. Сароли считает возможным назвать не иначе как «глубинным варварством»²¹.

Во-вторых, по мнению Ч. Сароли, неспособность России творчески воспринять все многообразие достижений западной цивилизации приводит к тому, что «у русского человека вырабатывается привычка к зависимости, несамостоятельности, он привыкает быть забитым и лишенным инициативы»²². Отсюда особое тяготение русских к внешнему авторитету, влиятельной и подчас грубой силе государства, заменяющего собою все виды и формы общественных отношений и потому становящегося «таким безраздельным и абсолютным царством внешнего принуждения, каких не знал даже Древний Восток»²³.

И, наконец, в-третьих, осознание политическими верхами Российской империи собственного подчиненного и зависимого положения в системе международных отношений вынуждает российских императоров прибегать к поиску политических решений, которые позволили бы поддерживать «иллюзию политического всемогущества и государственного величия» империи²⁴. По этой причине внешняя политика России определяется набором политических конъюнктур, «ее нельзя спрогнозировать, рассчитать, Россию невозможно воспринимать как партнера наравне с другими европейскими державами, с ней лучше быть осторожнее – как с Востоком»²⁵.

В значительной мере Ч. Сароли задал своими обобщающими материалами тему, вариациями на которую прозвучат в 1880–1890-е гг. многочисленные газетно-журнальные обзоры «на российскую тему»²⁶. Важнее другое: Ч. Сароли (и одновременно с ним или вслед за ним Р. Скоукрофт²⁷, Б. Хэйвен²⁸ и др.) вырабатывает и своеобразный индекс фактов и событий российской истории, призванных подкреплять и иллюстрировать выдвигаемые тезисы. Так, деятельность Ивана IV приводит к мысли о неспособности русских к следованию «элементарной политической логике»²⁹. Раскол XVII в. предстает наиболее убедительным доказательством неразвитости религиозного сознания русских, а также того, что «именуемое русским православием религиозное течение есть не более чем странная смесь христианской фразеологии с наиболее дикими проявлениями языческой темноты»³⁰.

Утрата независимости Новгородом в XV в. и Псковом в веке XVI свидетельствует о вероломности центральной власти, которой «не дано оценить всех несомненных преимуществ и всей непреходящей ценности свободных гражданских установлений»³¹, но в то же время именно затянувшаяся на несколько столетий централизация земель вокруг Москвы и введение княжеского единовластия не сразу, а лишь путем постепенного собирания земель не позволили

государству достаточно укрепить «для того, чтобы и впредь оставаться всегда сильным»³². К этому перечню можно прибавить традиционное противопоставление Николая I Александру I, причиной неудачи реформаторских замыслов и проектов которого явилось несоответствие их просвещенно-европейского пафоса «варварской политической реальности России»³³ и т. п.

Уже с начала 50-х гг. XIX в. эти и подобные им фактографические матрицы русской истории находят отражение в сфере, оказывающей на формирование образа России в сознании англичан воздействие не меньшее, чем периодика, – в сфере образования, в комплексах учебной литературы для университетов и школ. Здесь сразу обозначаются два подхода.

Первый, наиболее традиционный, заключается в последовательном проведении при рассмотрении истории «третьих» стран формулы «Британия и остальной мир». Эта формула, которой до сих пор суждено играть определяющую роль в британской исторической науке³⁴, отличается крайним исследовательским монологизмом: любое «иное», особое, непохожее не просто рассматривается по отношению к норме, т. е. соответствующему британскому образцу, как несовпадение с ней, недоразвитость, отклонение, ошибка; само изучение «иного» имеет смысл лишь постольку, поскольку оно позволяет акцентировать, оттенить, подчеркнуть и обосновать преимущество своего (заметим, что в общеметодологическом плане такой подход имеет полное право на существование в системе взаимодействия обобщающего и индивидуализирующего подходов в историческом познании³⁵; в терминах же диалогической методологии М.М. Бахтина подобное отношение к «другому» как более или менее ценной проекции «своего» определяется как «отрицание вне себя равноправного и ответно-равноправного сознания»³⁶ – признак крайнего монологизма).

В русло такого имперского подхода попадали те факты и события русской истории, которые продемонстрировали бы учащимся цивилизационные преимущества английской истории. В базовом для общеобразовательных школ викторианской Англии учебнике всемирной истории суть искомого антитезы сформулирована предельно четко: «Сила Российского государства оборачивалась слабостью, когда оно оказывалось не в состоянии умирить народные массы, а могло лишь подавлять их; его слабость оборачивалась силою, когда оригинальные произведения русской культуры появлялись почти каждый раз там, куда государство еще не успело проникнуть: в любом случае, в противоположность Англии. Российское государство никогда не

могло вызвать к себе уважение и разумное повиновение своих подданных»³⁷; более того, «в то время как в Англии достойный монарх в большинстве случаев осознается как лучший сын своей земли, как чистое и славное олицетворение народных сил и народного духа, в России таким олицетворением подчас становится нечто совсем противоположное – Лжедмитрий, Разин, Пугачев, бунтари-раскольники, революционные террористы (учебник вышел в свет первым изданием в 1879 г. – *Ф. Т.*) и подобные им символы хаоса и безначалия»³⁸.

Второй из названных нами подходов также основан на противопоставлении. Только в этом случае история России рассказана учащимся через систему более масштабных антитез – европейская цивилизация и неевропейский мир. Любопытно отметить, что в неевропейском мире Россия занимает значительное положение и играет ведущую роль, так же, как Англия – в мире европейском, где она согласно одному из учебников «всегда говорит от имени просвещенной Европы в целом»³⁹.

Почти единственным критерием периодизации русской истории в рассматриваемой категории учебных книг становится европеизация России и соответственно этапы и результаты такой европеизации. Так, в кембриджском курсе всеобщей истории период «относительного единства с европейским миром» (Русь X–XIII вв.) противопоставляется «темным векам монгольского владычества и внутренней смуты», а эти последние – «обновлению исторической перспективы» Петром и его последователями⁴⁰. Авторы же одного из оксфордских учебных пособий (1877 г.) настаивают на том, что в политике Россию всегда направляло «отношение к Европе – от изоляции и неприятия западного мира к более внимательному к нему отношению начиная с XVII в. и попыткам активного с ним взаимодействия после Петра»⁴¹. И даже позитивная оценка – всегда именно оценка! – итогов исторического развития России к XIX в. определяется тем, что России удалось «в максимально возможной пока для нее мере приблизиться к достижениям и тенденциям развития западного мира, преодолев наиболее нетерпимые и дикие черты традиционного варварства»⁴².

Частотный анализ словаря десяти учебных пособий, имеющих в своем составе главы по истории России, позволяет сделать вывод о преобладании сравнительно-оценочной лексики над аналитической: «в отличие от» употреблено свыше 2000 раз; «напротив» – более 1500 раз; «в противоположность Англии» (или Европе, Западу и т. п.) – около 1000 раз и т. д.

В начале 70-х гг. XIX в. в Оксфорде и Лондоне появляются первые обобщающие работы по русской истории, написанные профессиональными историками-исследователями, лекционные курсы У. Рольстона и У. Морфилла⁴³. В конце 1870-х гг. к их числу присоединяются работы Д.М. Уоллеса и Г. Дрэйджа⁴⁴, в 1880-е гг. – исследования Г. Эдвардса и С. Боултона⁴⁵, в 1890-е гг. – Г. Монро и Г. Тайрелла⁴⁶, а впоследствии и работы С. Хау, Б. Пэйрса⁴⁷ и др. В 1915 г. представители «академической россики» (это самоназвание первым ввел Г. Эдвардс в 1889 г.⁴⁸) создают свой печатный орган – журнал “Russian History Review”, к тому же времени относятся и их нереализовавшиеся проекты научного сотрудничества с русскими историками⁴⁹.

Встреченные весьма враждебно в профессиональном сообществе (У. Морфилл даже говорил о «заговоре молчания» и «полнейшем непонимании» со стороны коллег-историков: «...необходимость постоянно оправдывать собственную исследовательскую деятельность и бороться за признание в научных кругах только сильнее сплотила немногих россиеведов»⁵⁰), россиеведы почти не вступают в открытую полемику и почти не реагируют на разнообразные упреки в адрес своих работ как со стороны англичан, так и со стороны многочисленных российских рецензентов⁵¹. Но уже У. Рольстон и У. Морфилл, не говоря об их младших коллегах, считают своим долгом откликнуться на новейшие образцы газетно-журнальной и учебной «россики».

Историографический анализ подобных откликов, никогда не попадавших на страницы самих обобщающих работ по русской истории, – «спорить в научной работе позволительно лишь с научным оппонентом!» (как отмечал У. Морфилл⁵²) – может привести в некоторое недоумение. На самом деле во всем комплексе исследований по русской истории от У. Рольстона до Б. Пэйрса мы находим прямое отражение многих из тех традиционных образов истории России, о которых говорили выше в связи с периодикой и учебной литературой. Здесь есть утверждение о том, что история государства и его институтов представляет собой «единственный ключ к пониманию русской истории» (С. Боултон)⁵³. Здесь говорится о том, что России присущ особый тип исторического развития, характеризующийся «запоздалым усвоением плодов европейской цивилизации» (Г. Тайрелл)⁵⁴, а главной исторической задачей России объявляется задача «вполне слиться с Европой» (Г. Дрэйдж)⁵⁵. Не отрицают историки-россиеведы и того, что «периоды невиданного усиления государства почти всегда сопровождаются... упадком народного духа, но лишь подъем последнего

гарантирует государству выживание в эпоху общих нестроений» (С. Хау)⁵⁶, а основу населения в России составляют крестьяне, «легко переходящие от апатии к буйному веселью, от беспробудного пьянства к подлинной святости, от бунта к полному подчинению» (С. Боултон)⁵⁷.

Что же противопоставляют представители «академической» россики своим оппонентам, роль которых в формировании образа русской истории и соответственно современной России Г. Эдвардс называет решающей?⁵⁸

Речь менее всего идет о том, каким образ русской истории должен быть – в известном смысле он может быть любым; речь о том, как этот образ должен формироваться. И в данном случае острие полемики направлено историками-россиеведами против навязывания общественному мнению периодикой и учебной литературой таких представлений о русской истории, которые «при определенных условиях не могли бы даже рассматриваться всерьез». Каких условиях? Можно выделить как минимум три условия и принципа формирования образа русской истории.

Прежде всего, по категорическому заявлению Г. Монро, «изучение истории России должно быть научным»⁵⁹. Адекватное понимание такой исследовательской декларации осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что сам термин «научность» и категория научности в разных историографических и – шире – теоретических традициях наполняются разным содержанием (известно замечание С.С. Аверинцева: «...когда научность хотят похвалить, ее называют научностью; когда ее же хотят выбранивать, ее называют “сциентизмом” или “позитивизмом” с прилагательным “бескрылый” или без него»⁶⁰). Во-вторых, тем, что именно в ненаучности, проявляющейся в «недостаточном внимании к документам нашей истории»⁶¹, «увлечении образностью языка»⁶², недостаточном знакомстве с российской историографией⁶³ обвиняют английских исследователей российские рецензенты их трудов.

Сам Г. Монро ненаучному изучению русской истории, характеризующемуся выхватыванием «самых кричащих фактов, наиболее ярких примеров – в то время как эти же самые факты и примеры могут подтверждать или опровергать совсем противоположные тенденции и умозаключения»⁶⁴, противопоставляет научное ее исследование, отличительной чертой которого называет «интерес к целому, к той общей картине, в которую складываются благодаря взаимосвязям и взаимным влияниям самые разные факты русской истории»⁶⁵.

Г. Эдвардс же, отвечая на упреки российских рецензентов, признает одним из условий научности исследования опору на источники и как предпосылку знание русского языка. Но есть исследовательские ситуации, как в случае с изучением русской истории, когда уровень археографической разработки источников оставляет желать лучшего, а архивохранилища часто оказываются недоступны⁶⁶, и тогда скудость источников может быть компенсирована внимательным и вдумчивым отношением к имеющимся и «отказом от непродуманных построений, способных очаровать читателя, особенно массового, своею эффектностью, но неспособных прибавить что-либо к искомой научной картине»⁶⁷.

Г. Эдвардсу вторит Г. Тайрелл: «Никто не станет оспаривать желательности самого широкого привлечения источников, но упрек в несостоятельности, недоказательности анализа все же серьезнее упрека в неполном освоении источников: писать же в чем-то иначе не означает писать хуже или менее научно» (!). И дальше – «подменять же научный анализ броскостью произвольных построений вовсе негоже»⁶⁸. Вполне понятно, что первая часть цитируемого фрагмента адресована российским рецензентам, вторая же – держателям «имагологической» монополии из среды журналистов и составителей учебных книг.

Вторым условием научности и просто корректности формируемого образа русской истории историки-россиеведы считают переход к иному типу исторических аналогий и выстраиваемых на их основе типологических выводов. Особое внимание уделяет этому требованию С. Хау, отмечая, что «не все в истории России можно сопоставлять с историей английской или европейской»⁶⁹. Если Б. Пэйрс в 1930-е гг. вообще призовет студентов, изучающих русскую историю, «не увлекаться аналогиями»⁷⁰, то С. Хау ограничится напоминанием, что «по-настоящему интересно и перспективно изучать русского Разина не по аналогии или в противоположность английскому Уоту Тайлеру», а изучать Разина «как он есть» – для того чтобы избежать «насильственных сопоставлений и противопоставлений», подчас придающих русской истории особый колорит, но на самом деле «способных только затемнить и исказить ее»⁷¹.

Наконец, третьим условием и требованием к формированию образа русской истории является «разделение изучения ее (России. – Ф. Т.) прошлого и сегодняшнего дня», т. е. отход от публицистичности. «Если прошлым и можно объяснить настоящее, что само по себе не вызывает сомнений, – отмечает Б. Пэйрс, – делать это нужно все же осторожно и тактично»⁷². Так, Г. Дрэйдж, полемизируя с Ч. Сароли, выражает недоумение по поводу нежелания

последнего «видеть различие между анализом современности и исследованием истории»: у них, по Г. Дрэйджу, «разные сферы и методы исследования» – проиллюстрировать примерами из прошлого превратности текущего момента, специфику сегодняшнего положения вещей составляет «более удачу, чем задачу исторического знания»⁷³.

С. Хау, например, прямо называет стремление использовать исторический материал для того, чтобы «сделать необходимый и удобный образ сегодняшней России» нетерпимым, а результаты подобных построений призывает воспринимать как «очевидно фальшивые»⁷⁴.

Приведенные нами исследовательские декларации (справедливости ради следует заметить) во многом не оказали решающего воздействия на формирование образа истории России в обыденном сознании англичан. Не оказали отчасти потому, что механизмы и способы опровержения укорененных стереотипов восприятия не могли быть столь же эффективными, как механизмы и способы их насаждения – в печати и массовой учебной литературе (хотя Г. Эдвардс, получая в 1910 г. диплом почетного доктора Оксфордского университета, заявит, что ему и его коллегам «все-таки удалось продемонстрировать, что заинтересованное внимание к несходному историческому опыту плодотворнее ограничения сферой привычного»⁷⁵). Не оказали, потому что просто не успели: с начала 20-х гг. XX в. более или менее безобидный образ «экзотического незнакомца» (Т. Шанин)⁷⁶ начинает неотвратимо трансформироваться в совсем другой, закрепляемый в том числе и историографически, образ – образ врага.

Образ Советской России в британском россиеведении XX в.

В такой трансформации 1917 год не стал водоразделом ни в политическом, ни в историографическом плане. До середины 1920-х годов британские россиеведы продолжают работать в основном в жанре обобщающих сочинений. В 1926 г. Бернард Пэйрс издает «Историю России», в которой впервые появляется тематика советской истории⁷⁷. Б. Пэйрс усматривает в новом этапе российской истории определенные элементы преемственности с дореволюционным периодом. Задолго до наступления эпохи «сталинского ампира» с ее культом новой государственности и жесткой централизации Б. Пэйрс предполагает, что «едва ли будет найдена

достаточная альтернатива сильной центральной государственной власти, которая одна может быть способна удержать огромную территорию и население России»⁷⁸.

Неудивительно, что на новое издание «Истории России» не отреагировали в Советской России: отечественным историкам в тот момент было не до рецензий на зарубежные труды, таких рецензий в те годы было крайне мало. Удивительно другое: британские историки совершенно не заметили первого советологического опыта, включенного британским автором в курс русской истории. Три рецензии на книгу Б. Пэйрса 1926 г. обошлись без упоминания страниц, посвященных революции и первым годам советской власти⁷⁹.

Б. Пэйрс предлагает не интерпретацию, а общий фактографический обзор ранней советской истории. Он фиксирует события и факты, не допускает хронологических ошибок (не в пример некоторым другим советологам-первопроходцам, которые, как, например, известнейший Исайя Берлин, время от времени запутывавшийся в датах советской хронологии, в чем он сам с досадой признается⁸⁰). Однако при этом Б. Пэйрс не дает никакого анализа сообщаемых им фактов. Более того, переходя от досоветской истории к истории советского периода, он применяет к Ленину и большевикам те же самые институциональные определения, которыми он описывает царское или Временное правительство: «центральная власть», «министры», «государственное управление» и т. п.

Переход от описательно-фактографического к аналитическому изучению советской истории связан уже со следующим поколением британских русистов, в котором к 1950–1960-м годам выявляются признанные лидеры и классики.

Наиболее стройную концепцию новейшей истории России создает Э.Х. Карр. На протяжении почти тридцати лет (1950–1978) он публикует «Историю Советской России» в четырнадцати томах⁸¹.

По мнению британских историографов Э. Эктон и П. Гэтрелла, «Карр относился к марксизму с сочувствием»⁸², что определило общую левизну его истолкования советской политической истории. По этой причине британское академическое сообщество отнеслось к фундаментальному труду Э. Карра с некоторой настороженностью. И. Берлин (историк и философ значительно более правых и консервативных взглядов) упрекал Э. Карра в «преимущественном интересе и внимании к социально-экономическому измерению истории в ущерб многим другим не менее важным сторонам изучаемых фактов и феноменов»⁸³. Другой рецензент – И. Дейчер – с противоположных (марксистских) позиций усматривал в много-томном исследовании Э. Карра невнимание к массовым движе-

ям и народной борьбе и преувеличение важности структур государственного управления и правительственного аппарата («уникальность советской власти не в том, как и какой аппарат ей удалось создать, а в том, насколько органично и последовательно вызревали экономические предпосылки и массовая социальная база новой власти в России»⁸⁴). При этом оба рецензента отдавали должное масштабности и беспрецедентности замысла Э. Карра и высокому профессионализму в реализации этого замысла. Многотомное исследование Э. Карра явилось, по сути дела, исследовательским проектом такого уровня и охвата материала, который редко оказывается под силу одному исследователю.

Если Б. Пэйрс придерживается в изложении русской истории XX века сквозной хронологии, в которой 1917 г. почти никак не выделяется, то для Э. Карра Февраль и Октябрь 1917 г. приобретают всемирно-историческое значение. Он утверждает, что «русская революция 1917 года была поворотным пунктом в истории человечества, и, вполне вероятно, историки будущего назовут ее величайшим событием XX в. Историки еще очень долго будут спорить и резко расходиться в своих оценках ее, как это было в свое время с Великой французской революцией. Одни будут прославлять русскую революцию как историческую веху в освобождении человечества от гнета, другие – проклинать как преступление и катастрофу»⁸⁵. Более того, по мнению Э. Карра, пафос «мировой революции», по влиянию которого разворачиваются основные события ранней истории Октября 1917-го, нельзя считать выхолощенной идеологической доктриной большевиков или, в особенности, троцкистов, потому что этот пафос находил отражение в реальных геополитических процессах того времени. Э. Карр отмечает, что «Гражданская война закрепила стереотип, который складывался в западном и советском мышлении с Октября 1917 г., о существовании двух миров, непримиримо противостоящих друг другу, – мира капитала и мира революции, предназначенного его уничтожить. В ноябре 1918 г., после падения Германии, Центральная Европа на какое-то время стала яблоком раздора двух миров. Забрезжившая революция в Берлине в январе 1919 г. подкрепила и без того твердую уверенность большевиков в том, что смертный час капитализма пробил и революционная волна вот-вот покатится от Москвы на Запад»⁸⁶.

В изучении экономической и социальной истории Э. Карр придерживается традиционной для британского руссиеведения методологии: он опирается на скрупулезное изучение фактов в их причинно-следственных взаимосвязях и воздерживается от широких

обобщений там, где факты говорят сами за себя. Так, соглашаясь с тем, что политика «военного коммунизма» была разновидностью государственного террора, Э. Карр подчеркивает, что подобные устойчивые формулы не исчерпывают сути и не проясняют до конца характер «событий, которые подчиняются экстраординарной логике – логике революции, в которой переход от ужесточения режима власти к его либерализации нередко оказывается спонтанным, потому что происходит под влиянием факторов, действующих в данный момент, но уже перестающих действовать в какой-то следующий момент». Говоря о политике нэпа, Э. Карр отмечает в ней не только смелость «парадоксальной политической инициативы Ленина», пусть и вынужденной, но и видит в нэпе предпосылки для последующей коллективизации, поскольку разные варианты экономической политики советского правительства «в конечном счете восходят к пониманию необходимости решения острого аграрного вопроса, необходимости, с которой сталкивались все российские правительства, под каким бы флагом и в русле каких бы идей они ни действовали». Наконец, Э. Карр формулирует очень характерный для британской руссики-советологии вывод: «наши исторические данные доказывают, что нельзя недооценивать преемственность проблем, которые решает советская власть; корни и характеристики этих проблем сложились не в ходе и не в результате революции, а задолго до нее»⁸⁷.

Пристальное внимание к вопросам исторического континуитета, к проблеме непрерывности русского исторического процесса при калейдоскопической смене исторических декораций в разные эпохи присуще не только Э. Карру, но и его сверстнику и тоже классику британской советологии раннего периода Леонарду Шапиро. Л. Шапиро утверждает, что советская автократия – это «не только новый тип, но и новый этап российской государственности, который появился не в пустыне, а унаследовал некоторые существенные черты и особенности русской политической культуры»⁸⁸.

Тем же поиском элементов идейной и институциональной преемственности в досоветской и советской политической практике занят и Исаак Дейчер. В частности, в теоретических и политических сочинениях В.И. Ленина И. Дейчер выявляет «определенную генетическую связь с разными этапами радикальной политической мысли в России, по отношению к которой Ленин является явным преемником, развившим не только принципы марксистской социологии и политической экономии, но и идеи и образы русского политического радикализма»⁸⁹.

В этом смысле интересно и показательно историографическое высказывание Э. Карра, точно отражающее пафос и основную, так сказать, исследовательскую интуицию британских руссиеведов: «опасной ошибкой было бы воспринимать советскую историю в качестве социального эксперимента, начинающегося “с чистого листа”. При всем нигилистическом отношении ко многим ценностям и принципам прошлого советская доктрина развивалась и уточнялась в противостоянии и конфликте с царским режимом на протяжении нескольких поколений»⁹⁰.

Консервативную антитезу либералу Карру или марксисту Дейчеру сформулирует сэр Исайя Берлин, работы которого сегодня назвали бы культурологическими, потому что в наибольшей мере И. Берлина занимают вопросы интеллектуальной истории России и истории русской культуры. Если признать «Икону и топор» Дж. Биллингтона классическим образцом американского руссиеведения в области истории культуры, то И. Берлина надо будет назвать «британским Биллингтоном». Оба автора основывали свою интерпретацию истории русской культуры на тщательном исследовании самого широкого исторического контекста, в котором русская культура формировалась и развивалась. При этом исходной идейной посылкой И. Берлина было принципиальное неприятие советской истории как идеологического феномена. И. Берлин подчеркивает, что «20–30-е годы нашего столетия... тоталитарные режимы правого и левого толка грозили уничтожить гуманистические ценности как таковые, и хорошие и плохие, и не утверждали, как они все чаще и чаще делают сейчас, что служат им лучше, чем мы»⁹¹. И. Берлин считает советский тоталитаризм «наиболее очевидным и прямым вызовом всему строю русской культуры, всем многовековым литературным и философским интуициям русского человека». Если в чем-то И. Берлин и готов увидеть элементы преемственности, то только в творческих личностях, осуществляющих нравственное сопротивление режиму. В 1945–1946 годах И. Берлин работает в британском посольстве в Москве, что дает ему возможность встретиться с Анной Ахматовой и Борисом Пастернаком. И. Берлин в дальнейшем подробно опишет эти встречи в историко-биографическом ключе, но сначала, в 1945 г., И. Берлин, как и его предшественники-англичане в XIX в. (или его младший современник Р. Конквест, о чем мы скажем далее), даст экспертное заключение британскому Форин-Оффису: «Вот краткое содержание моего отчета британскому Министерству иностранных дел в 1945 г. Я написал, что, по-видимому, нет другой страны, кроме Советского Союза, где поэзия публиковалась бы и продавалась в таком объеме

и где интерес к ней был так велик. Не знаю, чем это можно объяснить – врожденной чистотой вкуса или отсутствием низкопробной литературы. Этот интерес читателей, несомненно, является огромным стимулом для поэтов и критиков. Такой аудитории западные писатели и драматурги могут лишь позавидовать. Если представить себе, что произойдет чудо: политический контроль ослабнет и искусство обретет свободу, то я убежден, что тогда в обществе – таком жадном до всего нового, сохранившем дух и жизнеспособность в условиях катастроф и трагедий, возможно, гибельных для других культур, – в таком обществе искусство расцвело бы с новой невиданной силой. И все же контраст между этим страстным интересом к живой и истинной литературе и существованием признаваемых и почитаемых писателей, чье творчество мертво и неподвижно, является для меня наиболее удивительным феноменом советской культуры тех дней».

Как это часто бывает в истории зарубежного руссиеведения, переход от поколения «отцов-основателей» советологии к следующим поколениям исследователей отмечен в Великобритании двумя тенденциями: во-первых, увеличением числа советологов; во-вторых, институционализацией советологии через систему исследовательских центров и научных периодических изданий⁹². По мере институционализации британского руссиеведения происходит «разукрупнение» исследований, на смену обобщающим курсам русской и советской истории приходят работы, посвященные более локальным темам. Данная тенденция не означает, что обобщающие работы перестают появляться. Просто одновременно с тематической специализацией происходит явно выраженная политизация научного руссиеведения, причем этот процесс идет по нарастающей. В результате обобщающие работы нового типа постепенно все более трансформируются в политические памфлеты, обладающие экспертным значением, аналитическим потенциалом и, не в последнюю очередь, пропагандистским зарядом. Наиболее ярким примером такого типа исследований сами британские руссиеведы считают работы Роберта Конквеста. В молодости Р. Конквест был членом Коммунистической партии Великобритании, но очень скоро разочаровался в коммунистической идее и перешел на позиции антикоммунизма. Впоследствии Р. Конквест становится одним из ведущих экспертов по России и СССР, как в академическом аспекте (он автор безупречных с точки зрения исследовательской культуры монографий⁹³), так и в политическом смысле: историк работает в ООН, консультирует президента США Р. Рейгана в самый разгар «холодной войны»,

когда, определив СССР как «империю зла», президент США выходит на линию лобового идеологического и политического столкновения с Москвой. В этот момент, в 1984 г., Р. Конквест создает уникальный в жанровом отношении текст – написанное профессиональным и первоклассным экспертом-историком пособие по технологии выживания в случае советского вторжения – “What to Do When the Russians Come”⁹⁴.

Во всех исследованиях Р. Конквеста, наиболее известным из которых следует признать «Жатву скорби», посвященную трагедии коллективизации, автор последовательно проводит мысль, выходящую за рамки научного анализа и иллюстрирующую достигнутую к концу 1960-х гг. высокую степень политизации британской советологии: советская система неотделима от самых радикальных и нецивилизованных форм политического насилия, она по самой своей сути подразумевает репрессии и подавление свободы, являющиеся в СССР универсальными инструментами государственной политики. Определения «кровавый» (по отношению к Ленину), «варварский», даже «сатанинский» становятся элементами исследовательского словаря не только Р. Конквеста, но и других историков его поколения⁹⁵. В отличие от предшественников, Р. Конквест говорит уже не о преемственности, а о радикальной смене направления и целей русского исторического процесса, поскольку «в XX в. Россия потеряла свою основную дорогу и продолжает блуждать в пространстве опасных и травмирующих социальных экспериментов»⁹⁶. Р. Конквест утверждает, что «под тиранией Сталина и его приспешников было уничтожено все старое крестьянство, а вместе с ним вырублены и исторические корни русского, украинского и других народов»⁹⁷.

Р. Конквест одним из первых в британской историографии применяет в изучении русской истории своеобразный «футурологический» подход. Он говорит об обреченности советского строя⁹⁸, о его неорганичности⁹⁹, о неизбежности в СССР такого системного кризиса, который приведет государство к разрушению, а общество – к возрождению¹⁰⁰. Заметим, подобные оценки звучат не в годы “перестройки” и не на грани событий 1991 г., а задолго до этих событий – еще в начале 1970-х годов.

Симптоматично, что Р. Конквест в 1977 г. признает, что в плане советологических исследований явное предпочтение и первенство переходит к американским советологам¹⁰¹, но это не умаляет главной заслуги британской советологии, которая заключается в попытке и стремлении «дать общий обзор явлениям русской истории и увидеть в прошлой и современной истории России устойчивые

черты и элементы единой цивилизации»¹⁰². Это очень точный опыт и пример историографической самодиагностики.

Действительно, в изучении российского XX века во второй половине прошлого столетия роль «первой скрипки» переходит к американской советологии.

Примечания

- ¹ См.: *Barracclough G.* Main Trends in History. N.Y.; L., 1979; The Development of Modern Historiography / Ed. by H. Kozicki. N.Y.; L., 1993; *Trevor-Roper H.R.* History: Professional and Lay. Oxford, 1957; What is History. L., 1988. См. также: Истории ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
- ² После известных монографий А.Я. Гуревича особое место рассматриваемая проблематика занимает на страницах альманаха «Одиссей», издаваемого с 1989 г. См.: *Ронин В.К.* Франки, вестготы, лангобарды в VI–VIII вв.: политические аспекты самосознания // Одиссей: Человек в истории. 1989. М., 1989; *Гинзбург К.* Образ шабаша ведьм и его истоки // Там же. 1990. М., 1990; *Оболенская С.В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Там же. 1991. М., 1991. См. также статьи С.И. Лучицкой, П. Фридмана, И.Е. Силицыной и других в разделе «Образ “другого” в культуре» в «Одиссее» за 1993 г.; *Левинсон А.Г.* Массовые представления об «исторических личностях» // Там же. 1996. М., 1996; *Бессмертная О.Ю.* Русская культура в свете мусульманства... // Там же.
- ³ См., например, работы Т.В. Евгеньевой, И.Н. Ионова, Н.Н. Фирсова в сб.: Современная политическая мифология. М.: РГГУ, 1996.
- ⁴ Одним из современных примеров подобного исследования может служить книга А.Л. Ястребицкой «Средневековая культура и город в новой исторической науке» (М., 1995).
- ⁵ Подробнее о категории образа см.: *Петровский А., Ярошевский М.* История психологии. М.: РГГУ, 1994. С. 288–307; *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995; и др.
- ⁶ См.: *Himmelfarb G.* The New History and the Old. Cambr. (Mass.), 1987. P. 110–123; *Partner N.F.* Making up Lost Time: Writing on the Writing of History // *Speculum*. 1986. Vol. 61. № 1. P. 34–35.
- ⁷ *Бахтин М.М.* 1961 год: Заметки // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 330.
- ⁸ Там же. С. 336.
- ⁹ Из работ, непосредственно посвященных британской россике, можно назвать на сегодняшний день лишь монографии А.Н. Зашихина, в которых речь идет как о становлении публицистической, газетно-журнальной россики второй

- половины XIX – начала XX в., так и о формировании научного руссиеведения в тот же период. См.: *Зашихин А.Н.* Глядя из Лондона: Россия в общественной жизни Британии второй половины XIX – начала XX в.». Архангельск, 1994; *Он же.* Британская Rossica второй половины XIX – начала XX в. Архангельск, 1995.
- ¹⁰ *Morfill W.R.* Recent Trends in Our Academic World // *Times*. 1881. April 23. P. 6.
 - ¹¹ *Edwards H.S.* A Response to Criticism // *Daily Telegraph*. 1900. № 7. P. 22.
 - ¹² *Morfill W.R.* Recent Trends... P. 6.
 - ¹³ Так, первый из известных нам обзоров связан с реакцией на воцарение Николая I и нацелен на «объяснение некоторых трудных вопросов истории российской правящей династии» (*Times*. 1826. March 10. P. 2.).
 - ¹⁴ *Fortnightly Review*. 1840. № 6. P. 18.
 - ¹⁵ См.: *Wallace D.M.* On the Crimean Crisis // *Fortnightly Review*. 1854. № 22. P. 3; *Edwards H.S.* Grand Duke Alexander // *Ibid.* 1869. № 1. P. 20; *Howe S.* My Experiences of Russia // *Ibid.* 1910. № 18. P. 8–9; № 19. P. 12.
 - ¹⁶ [Editorial] // *Wallace D.M.* On the Crimean Crisis...
 - ¹⁷ А.Н. Зашихин подробно пишет о работе Ч. Сароли, явившейся обобщением его газетных выступлений ряда лет. См.: *Зашихин А.Н.* Указ. соч. С. 118, 122, 129–131.
 - ¹⁸ См.: *Sarolea Ch.* Europe's Dept to Russia. L., 1900. P. 60–89.
 - ¹⁹ *Ibid.* P. 112–125.
 - ²⁰ *Ibid.* P. 53.
 - ²¹ *Ibid.* P. 6.
 - ²² *Ibid.* P. 6, 57, 113.
 - ²³ *Ibid.* P. 124.
 - ²⁴ См.: *Sarolea Ch.* The New Russian Emperor // *Daily Telegraph*. 1881. April 10. P. 1–2.
 - ²⁵ *Sarolea Ch.* Europe's Dept to Russia... P. 52.
 - ²⁶ “*Daily Telegraph*” ведет в 1881–1884 гг. еженедельную рубрику именно с таким названием – “On the Russian Theme”.
 - ²⁷ *Scowcroft R.* Those Who Never Agree: On History of Russian Diplomacy // *Daily Telegraph*. 1883. January 9. P. 12.
 - ²⁸ *Haven U.A.* Visit to Petersburg // *Ibid.* 1884. February 26. P. 10.
 - ²⁹ *Sarolea Ch.* Europe's Dept to Russia... P. 120.
 - ³⁰ *Le Quesne P.* Church in Russia // *Times*. 1860. February 20. P. 16.
 - ³¹ *Sarolea Ch.* Europe's Dept to Russia... P. 7–8.
 - ³² *Ibid.* P. 101.
 - ³³ См.: *Sarolea Ch.* The New Russian Emperor. P. 2.
 - ³⁴ См. об этом: *Зверева Г.И.* Организация исторической науки в Великобритании в новое и новейшее время / МГИАИ. М., 1986; *Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П.* Современная историография Великобритании. М., 1991. С. 70 и сл.; *Шарифжанов И.И.* Современная английская буржуазная историография: проблемы теории и метода. М., 1984. С. 16–21.

- ³⁵ *Ионов Н.Н.* Судьба генерализирующего подхода к истории в эпоху постструктурализма (попытка осмысления опыта Мишеля Фуко) // *Одиссей: Человек в истории.* 1996. М., 1996. С. 60–80.
- ³⁶ *Бахтин М.М.* К методологии гуманитарных наук // *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.* М., 1979. С. 369.
- ³⁷ *World History* / M. Brockton, M. Morrough and others. L., 1879. P. 164.
- ³⁸ *Ibid.* P. 207.
- ³⁹ *A History of England: Texts and Commentary.* Oxford, 1901. P. VI.
- ⁴⁰ *An Unabridged Course of World History.* Cambr, 1891. P. 236.
- ⁴¹ *World History for Oxford Students.* Oxford, 1877. P. 99.
- ⁴² *Ibid.* P. 96.
- ⁴³ *Ralston W.R.S.* Early Russian History: Four Lectures delivered at Oxford. L., 1874; *Morfill W.R.* Russia. L., 1875.
- ⁴⁴ *Wallace D.M.* Russia: 2 vols. L., 1877–1878; *Drage H.* On Russia Affairs. L., 1879.
- ⁴⁵ *Edwards U.S.* The Russian History. L., 1882; *Boulton S.B.* The Russian Empire: Its Origin and Development. L., 1882.
- ⁴⁶ *Munro H.H.* The Rise of the Russian Empire. L., 1899; *Tyrell H.* History of the Russian Empire. [N.p., N.d. 1898].
- ⁴⁷ *Howe S.* A Thousand Years of Russian History. L., 1915; *Pares B.* Russia and Reform. L., 1907.
- ⁴⁸ См.: *Edwards H.S.* Rec. ad. op.: *Boulton S.B.* Russian Empire... // *Times.* 1889. December 14. P. 18.
- ⁴⁹ Об этом см.: *Тараторкин Ф.Г.* А.С. Лаппо-Данилевский и проект создания «Истории России» на английском языке (1915–1918 гг.) // *Археографический ежегодник за 1994 год.* М., 1996. С. 270–274.
- ⁵⁰ *Materials for Dr. William Robert Morfill Biography.* Oxford, 1912. P. 23–24. Автор признателен Дж.Д.А. Эвансу за информацию об этом издании.
- ⁵¹ *Тараторкин Ф.Г.* Британская научная руссика и русская историческая наука в начале XX в. // *ФИПП: Журнал факультета истории, политологии и права.* 1997. № 1. С. 26.
- ⁵² *Materials for Dr. Willian Robert Morfill Biography...* P. 41.
- ⁵³ *Boulton S.B.* The Russian Empire... P. 260.
- ⁵⁴ *Tyrell H.* History of the Russian Empire... P. VII.
- ⁵⁵ *Drage G.* Russian Affairs... P. 117.
- ⁵⁶ *Howe S.* A Thousand Years of Russian History... P. 54–55.
- ⁵⁷ *Boulton S.B.* The Russian Empire... P. 62.
- ⁵⁸ *Edwards H.S.* A Response to Criticism...
- ⁵⁹ *Munro H.H.* Mr. Sarolea writes on Russian History // *Times.* 1887. November 1. P. 6.
- ⁶⁰ *Аверинцев С.С.* Античная риторика и судьбы античного рационализма // *Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции.* М., 1996. С. 138.
- ⁶¹ *А.Д.* [Рец.] // *Русская старина.* 1893. № 1. С. 61–62.

- ⁶² В.М. [Ред.] // Современный мир. 1916. № 1. С. 235.
- ⁶³ См.: Вернадский Г.В. [Ред.] // Русская мысль. 1915. № 2. С. 67.
- ⁶⁴ Munro H.H. Mr. Sarolea writes on Russian History. P. 6.
- ⁶⁵ Ibid. В этой связи трудно не вспомнить известные слова С.М. Соловьева: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, – вот обязанность историка в настоящее время» (Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. М., 1988. Кн. 1. Т. 1–2. С. 51).
- ⁶⁶ См.: Edwards H.S. A Response to Criticism...
- ⁶⁷ Ibid. P. 22.
- ⁶⁸ Tyrell H. Main Directions of Our Research // Russian History Review. 1915. № 1. P. 106.
- ⁶⁹ Howe S. Public Relations and Public Reactions on Russian History // Russian History Review. 1916. № 3. P. 4.
- ⁷⁰ Pares B. Selected Notes. Oxford, 1932. P. 67–68.
- ⁷¹ Howe S. Public Relations... P. 6.
- ⁷² Pares B. Selected Notes... P. 7.
- ⁷³ Drage G. Russian Affairs... P. X.
- ⁷⁴ Howe S. Public Relations... P. 11.
- ⁷⁵ Oxford Bulletin. 1910. Autumn. P. 36.
- ⁷⁶ Шанин Т. [Предисловие] // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Под ред. Т. Шанина. М., 1992. С. 30.
- ⁷⁷ Pares B. A History of Russia. L., 1926. P. 347–388.
- ⁷⁸ Ibid. P. 387.
- ⁷⁹ Johnson D. A new book by Professor Pares // Russian History Review. 1927. № 1. P. 65–67; Case R.D. [Pares B. A History of Russia. L., 1926] // The Slavic Studies Bulletin. 1928. Oxford, 1928. P. 254–255.
- ⁸⁰ Berlin I. Diaries // In Honour of Sir Isaiah Berlin. [n. p.], 1990. P. 23.
- ⁸¹ Carr E.H. History of Soviet Russia. Vols. 1–14. L., 1950–1978.
- ⁸² Эктон Э., Гэттелл П. Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза // Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М.: Наука, 1996. С. 31.
- ⁸³ Berlin I. Russian Thinkers. L., 1978. P. 334.
- ⁸⁴ Deutscher I. The Recent Trends in the Soviet Studies // Soviet Studies. 1973. № 2. P. 212.
- ⁸⁵ Карп Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина: 1917–1929: Пер. с англ. Л.А. Черняховской. М., 1990. С. 7.
- ⁸⁶ Там же. С. 20–21.
- ⁸⁷ Carr E.H. History of Soviet Russia. Vol. 1. L., 1950. P. 163.

- ⁸⁸ *Schapiro L.* The Origin of the Communist Autocracy: Political Opposition in the Soviet State. 2nd ed. L., 1977. P. 20. Кстати, Л. Шапино одним из первых начинает системно и постоянно применять к советской истории термин «политическая культура», точного определения которого он, однако, не дает. О «политической культуре» в русистических исследованиях см.: *Глебова И.И.* Политическая культура России: Образы прошлого и современность. М.: Наука, 2006. С. 8–18; и др.
- ⁸⁹ *Deutscher I.* The Unfinished Revolution: 1917–1967. Oxford, 1967. P. 44.
- ⁹⁰ *Carr E.H.* History of Soviet Russia. Vol. 2. L., 1953. P. 28.
- ⁹¹ *Берлин И.* Европейское единство и превратности его судьбы // Неприкосновенный запас. 2002. № 1 (21). С. 131; *Berlin I.* Personal Impressions. L., 1980. P. 152–153.
- ⁹² Создаются центры российских и советских исследований в Бирмингеме, Глазго и Суонси, Британская ассоциация советских, славянских и восточноевропейских исследований, научные семинары в университетских центрах Оксфорда и Кембриджа. См.: *Эттон Э., Гэтрелл П.* Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза // Россия XIX–XX вв.: Взгляд зарубежных историков. М.: Наука, 1996. С. 29–30.
- ⁹³ *Conquest R.* Lenin. L., 1972; The Soviet Political System. L., 1968; Kolyma: The Arctic Death Camps. L., 1977; The Harvest of Sorrow: Collectivization and the Terror-Famine. L., 1986.
- ⁹⁴ *Conquest R.* What to Do When the Russians Come: A Survivor's Guide. L.; N.Y., 1985.
- ⁹⁵ *Conquest R.* Kolyma: The Arctic Death Camps. L., 1977. P. 26, 31, 55.
- ⁹⁶ *Idem.* The Soviet Political System. L., 1968. P. 63.
- ⁹⁷ *Конквест Р.* Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом. Лондон, 1988. С. 3.
- ⁹⁸ *Idem.* The Soviet Political System. L., 1968. P. 108.
- ⁹⁹ *Ibid.* P. 116.
- ¹⁰⁰ *Conquest R.* Lenin. L., 1972. P. 8.
- ¹⁰¹ *Idem.* The Soviet Political System. L., 1968. P. 211.
- ¹⁰² *Ibid.* P. 5.